

Ян Чжао бессмысленно уставился на вышедшего навстречу Ян Тао, а затем вдруг глуповато хихикнул:

— А я птиц стрелять иду!

Ян Тао, нахмурившись, окинул брата недовольным взглядом, но постарался заговорить мягко:

— Полдень едва миновал, ступай-ка лучше приляг, отдохни.

Император плотно загородил собой проем, не давая Лян-вану войти в покои. Тому не оставалось ничего другого, как развернуться и поплестись прочь. На ходу он затянул под нос негромкую песню. Голос его, низкий и на удивление певучий, выводил причудливые коленца. Ян Тао прислушался и обомлел: этот мотив до боли напоминал ту странную, зловещую балладу, что наводнила улицы столицы. Ярость мгновенно захлестнула императора. Ткнув дрожащим пальцем в удаляющуюся спину брата, он лишь беззвучно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова от гнева.

Стоявший позади императорский лекарь почтительно склонился и вполголоса доложил:

— Ваше Величество, господин Лин очнулся.

Ян Тао круто развернулся и направился вглубь двора, на ходу расспрашивая лекаря:

— Состояние Лян-вана меняется изо дня в день. Что это за недуг? Ты осматривал его уже не раз — неужели он и впрямь лишился рассудка?

Лекарь уклонился от прямого ответа, замаявшись:

— Пульс Лян-вана крайне неровный, Ваше Величество. Похоже, в моменты приступов разум его действительно затуманивается.

Император лишь раздраженно хмыкнул и шагнул в комнату. На улице стояла стужа, но здесь, благодаря жарко растопленным жаровням, было тепло и уютно. Едва переступив порог, Ян Тао отыскал глазами постель. Лин Шу лежал на подушках; услышав шаги, он с трудом повернул голову и устремил взгляд на вошедшего.

Ян Тао остановился шагах в трех от ложа и спросил:

— Ну как он сегодня? Жар спал?

Лекарь поспешил ответить:

— Ему лучше, Ваше Величество. С каждым днем лихорадка отступает, однако больному все еще необходим строгий покой и уход.

Лин Шу молчал. Изнуренный многодневной лихорадкой, он мог лишь слабо и безучастно

взирать на правителя. Ян Тао нетерпеливым жестом велел слугам и лекарям удалиться, и только когда за ними закрылась дверь, заговорил:

— По правде говоря, меня не покидает подозрение, что Лян-ван попросту притворяется. Он не желает помогать мне в подавлении мятежа, вот и разыгрывает дурачка, чтобы подольше не возвращаться в столицу. Надеяться на него более бессмысленно. Неужели мне придется брать все в свои руки?

Лин Шу едва слышно прошелестел:

— Как только я поправлюсь... я возглавлю гвардию Ичжэнь и буду защищать Ваше Величество.

— Набирайся сил и пока не думай об этом, — отмахнулся Ян Тао. — Мой шестой брат, князь У, все уши мне прожужжал, уговаривая укрыться в его владениях, в Янчжоу. Заладил, что места там благодатные. Однако генерал Жун настаивает на воссоединении с войсками в Цзинсяне. Говорит, если не удастся отбить столицу, лучше всего отступить именно туда. У каждого свои советы, у меня уже голова идет кругом от этой разногласицы.

И у императора были все основания для душевного смятения. Лян-ван Ян Чжао, когда не бился в припадках, утихал, но стоило безумию накатить вновь, как он хватал рогатку и с дикими криками носился по всему временному дворцу, выслеживая птиц. И, что хуже всего, то и дело норовил пробраться в покои к Лин Шу. Шестой принц, князь У Ян Ле, бежавший вместе со всеми из столицы, умудрился прихватить с собой трех или четырех наложниц, которые всю дорогу донимали окружающих визгом, ссорами и ревностью. Когда евнухи докладывали о бесчинствах брата, Ян Тао горько сожалел, что не бросил этого негодяя в осажденном Чанъане на произвол судьбы.

Обо всей этой суете Лин Шу даже не догадывался. Он лишь молча и потерянно созерцал лицо императора. Тот тоже всматривался в черты юноши, и в груди его всколыхнулась глухая обида. Медленно, словно борясь с собой, Ян Тао подошел ближе, помедлил и опустился на стул возле ложа. Выждав еще мгновение, он осторожно накрыл своей ладонью безжизненно свисавшую с края постели руку Лин Шу.

Юноша вздрогнул. Попытался отстраниться, но слабость сковала тело. Избежать прикосновения не было сил, и ему оставалось лишь тихо прошептать:

— Ваше Величество... я... я ведь могу снова невзначай ранить вас...

— Ты сейчас слишком слаб, чтобы причинить мне вред, — мягко возразил Ян Тао. — Вспомни, когда ты был ребенком и рос при мне в Восточном дворце, я постоянно таскал тебя за собой повсюду. Неужели забыл?

— Не забыл, — отозвался Лин Шу.

— Вот и славно, что помнишь. Ты так долго метался в беспамятстве... Если бы ты знал, как сильно я терзался. Государственные дела навалились грузом, я страстно желал поговорить с

тобой, да все не выкраивалось и свободной минутки. Теперь, когда разум наконец вернулся к тебе, ответь мне: кто посмел сотворить с тобой такое?

Лицо Лин Шу, и без того бледное, сделалось совсем бескровным. Он долго молчал, прежде чем опустить ресницы и тихо произнести:

— В суматохе боя... мне не удалось разглядеть нападавшего.

Ян Тао горько усмехнулся:

— Вот как? Неужели на свете нашлось нечто, чего проницательный Левый заместитель судьи Верховного суда не смог разглядеть и понять? Неужели эта тайна оказалась запутаннее всех тех громких дел, что ты раскрыл? Не пытаешься ли ты водить меня за нос?

Лин Шу промолчал, лишь сильнее прикусил нижнюю губу. Заметив это, Ян Тао не стал настаивать и переменял тему, заговорив нарочито небрежно:

— Мятежники наступают с пугающей быстротой. Заботясь о покое жителей столицы, я решил не вступать в кровопролитное противостояние с четвертым братом и временно отступил. Но мысль о том, в чьи руки попал Чанъань, лишает меня сна. Ладно еще Чжао-ван — им движет лишь слепая жажда власти. Но этот мерзавец Ян Е, маркиз Хуайнань, что плетется за ним вслед... Я ведь знаю его с малых ногтей. В свои четырнадцать он уже не вылезал из сомнительных заведений Лояна. Пожалуй, не сыскать в тех краях куртизанки или актера, с кем бы он не водил дружбу. Пару раз его интрижки заканчивались жестокими драками, едва не стоившими людям жизни, но сам он умывал руки и преспокойно удалялся, предоставляя соперникам проламывать друг другу черепа. Бессовестный, ветреный повеса! И ведь управы на него нет: прикрываясь славой своих предков-героев и родством с правящим домом, он крутил столичным градоначальником как хотел. Даже представить страшно, во что они сейчас превратили Чанъань. Я позволил этим стервятникам терзать сердце империи... О, как мне стыдно перед предками!

Лин Шу слушал эти речи оцепенев, краска окончательно сошла с его лица. Ян Тао, не сводивший с него глаз, ощутил укол жалости. Смягчив тон, он ласково произнес:

— Твои раны были слишком тяжелы, а тут еще этот столичный мятеж... Опасаясь за твою жизнь, я объявил во всеуслышание, что тебя более нет в живых, и тайно вывез из Чанъаня. Сейчас о том, что ты здесь, известно лишь Лян-вану да паре доверенных лекарей со слугами. Брат мой хоть и безумен, но секреты хранить умеет. Ты останешься при мне. Когда поправишься, вновь возглавишь гвардию Ичжэнь, но под другим именем. У бойцов Ичжэнь все равно нет ни имен, ни фамилий — лишь безликие номера. Затеряешься среди них, и никто из прежних знакомцев тебя больше не побеспокоит. Так будет спокойнее.

Лин Шу тихо выдохнул:

— Слушаюсь. Благодарю Ваше Величество за заботу.

Ян Тао устремил взгляд в окно, за которым сгустились зимние сумерки, и со вздохом добавил:

— Мои старания пойдут прахом, если ты сам этого не пожелаешь. Надеюсь лишь, что ты оценишь мою искренность и труды не окажутся напрасными.

Пока они беседовали, в комнату торопливо скользнул евнух и взволнованно доложил: Лян-ван Ян Чжао и генерал Жун срочно требуют аудиенции, дело не терпит ни секунды отлагательства.

Императору пришлось покинуть покои. Выйдя во двор, он действительно увидел неподалеку брата и военачальника. За то короткое время, что прошло с их последней встречи, Ян Чжао успел привести себя в безупречный вид. Одевание его сидело ровно, безумие отступило, уступив место строгому, сосредоточенному спокойствию. И все же бледность выдавала его крайнюю слабость. Завидев государя, он чинно опустился на колени:

— Нижайший слуга приветствует Ваше Величество.

Рядом с ним склонился в поклоне статный, плечистый генерал Жун Чжэнфу.

Ян Тао с изумлением воззрелся на брата, который в мгновение ока преобразился в благовоспитанного вельможу, и лишь спустя пару вдохов обрел дар речи:

— Поднимитесь. Что стряслось?

Ян Чжао доложил:

— Генерал Жун только что получил донесение. Передовой отряд Четвертого принца уже у западных окраин уезда Сяньпин. Войско ведет маркиз Хуайнань. Бэйчэнь Цин с основными силами наступает следом за ним. Бывший генерал Правой гвардии Юань Оумин выделил семьдесят тысяч воинов, чтобы преградить путь силам генерала Фэнмина из Сяньяна. Ждем повелений Вашего Величества: как нам действовать?

— Каковы твои соображения на этот счет, брат? — спросил Ян Тао.

Ян Чжао указал рукой в сторону переднего двора:

— Прошу Ваше Величество пройти в кабинет, там и обсудим.

Ян Тао последовал за ним. По дороге Лян-ван обратился к нему:

— Ваше Величество — повелитель Поднебесной. Пусть судьба вынудила нас временно укрыться здесь, вам ни в коем случае нельзя подвергать себя опасности на поле боя. Силы четвертого брата продвигаются слишком стремительно. Боюсь, пламя войны вот-вот доберется до этих мест, и мятежники потревожат ваш покой. Посему нижайше прошу вас перебраться вглубь страны, во Дворец Императорского Просветления в уезде Тайкан. Дороги между Сяньпином и Тайканом широки и удобны, вестники будут доставлять донесения без задержек. А здесь... позвольте мне завтра выступить плечом к плечу с генералом Жуном и дать отпор бунтовщикам.

Речь брата звучала на удивление здраво и убедительно. Ян Тао скользнул взглядом по его изможденному лицу. В душе императора вновь зашевелились сомнения, но в конце концов он глухо уронил:

— Что ж, пусть будет так.

На следующее утро Ян Тао провожал брата и генерала Жуна на битву. Воинство выстроилось на плацу, готовое к походу. Облаченный в боевые доспехи Ян Чжао верхом на верном скакуне выглядел на удивление грозно и величаво. Но стоило грянуть походным барабанам, как он внезапно покачнулся и мешком рухнул из седла на землю. Дважды перекатившись в пыли, Лян-ван рывком поднялся на ноги. Взгляд его остекленел, а сам он неистово взревел на весь плац:

— Рогатку мне! Живо несите мою рогатку!

Ян Тао побагровел от ярости, но устраивать сцену перед выстроенным войском не решился. Сдерживая гнев, он напутствовал генерала Жуна, уводящего полки из Сяньпина, а сам, собрав императрицу, принцев и прочую челядь вместе с завывающим безумцем Ян Чжао, поспешно отбыл в Тайкан.

Дворец Императорского Просветления, возведенный некогда по приказу покойного государя во время его странствий, раскинулся на многие ли. Покои успели спешно убрать и подготовить к прибытию высоких гостей, места с лихвой хватило всем беглецам.

Мятежники, упоенные победами, теснили правительственные войска на всех рубежах. Только теперь Ян Тао в полной мере осознал горький смысл поговорки «поражение катится подобно обвалу в горах». Сводки с фронта доставлялись беспрестанно, но среди них едва ли можно было отыскать хоть одну добрую весть. Тоска и раздражение терзали императора. Покинув столицу, он оставил весь чиновничий аппарат в Чанъане, забрав с собой лишь горстку изнеженных родственников, с которыми и поговорить-то было не о чем. От безысходности правитель повадился каждый вечер приходить в покои к Лин Шу. Он садился поодаль и изливал душу, делаясь мелкими заботами, лишь бы хоть немного унять грызущую изнутри тревогу.

Лин Шу поселили на отшибе, в уединенном дворике, примыкавшем к казармам гвардии Ичжэнь. Наблюдая, как юноша медленно, но верно идет на поправку, Ян Тао находил в этом единственное утешение.

В тот день после вечерней трапезы государь вновь направился к Лин Шу. Охранявшие вход гвардейцы Ичжэнь собрались было доложить о его прибытии, но Ян Тао жестом велел им молчать. Бесшумно подойдя к дверям, он уловил доносившиеся изнутри голоса. Прислушавшись, император оцепенел — из комнаты доносился вкрадчивый голос Ян Чжао:

— Ну какая тебе радость прозябать в этой глуши? Поехали со мной в бескрайние степи стрелять орлов! Или в Дуньхуан — будем рисовать лики бодхисаттв на стенах пещер. Женимся каждый на уйгурской красавице да так и останемся там навсегда, позабыв дорогу обратно!

Лин Шу растерянно замолчал, а затем едва слышно вымолвил:

— Мой долг — оберегать Его Величество.

Ян Чжао лишь легкомысленно расхохотался:

— Да брось ты! Наш государь рожден под счастливой звездой, ничего с ним не сделается. Поехали лучше со мной веселиться. Ты только посмотри на себя: бледный, неказистый, куда тебе до моих прежних наложниц да смазливых пажей! Зачем ты цепляешься за императора? Он ведь все равно наиграется и выбросит тебя, помани мое слово. А вот мне ты пришелся по сердцу. Обещаю, я тебя ни за что не брошу. Будем вместе охотиться в степи, и всех самых крупных орлов я уступлю тебе, идет?

Не помня себя от ярости, Ян Тао с размаху пнул дверь. Та с грохотом распахнулась. Шагнув через порог, император ледяным тоном процедил:

— Брат, что ты здесь забыл?

Лин Шу полулежал на постели, привалившись к подушкам. Рядом возвышался Ян Чжао: в одной руке он лениво вертел рогатку, а пальцем другой указывал на юношу, не переставая глупо ухмыляться. Лин Шу не выказывал гнева из-за выходок безумца, лишь внимательно, будто пытаясь что-то разгадать, всматривался в его лицо. Но при виде грозного императора он вздрогнул и попытался поспешно подняться на ложе.

Ян Чжао обернулся и безмятежно улыбнулся:

— Чего ты так сердишься, брат? Если сам хочешь с нами — поехали все вместе!

— Вон отсюда! — взревел Ян Тао, теряя остатки самообладания. — Убирайся с моих глаз!

Ян Чжао скользнул взглядом по дверному проему и, насупившись, пробормотал:

— Тут порог высокий. Катиться неудобно.

От подобного нахальства Ян Тао захлебнулся яростью и исступленно завопил:

— Вышвырните его! Вышвырните немедленно! Пошел вон!

В комнату тут же ворвались несколько гвардейцев Ичжэнь. Подхватив Лян-вана под мышки, они поволокли его к выходу, однако тот даже не думал сопротивляться — лишь заливался тихим, счастливым смехом.

В покоях воцарилась гнетущая тишина. Император тяжело, прерывисто дышал, пытаясь совладать с гневом; Лин Шу хранил безмолвие, опустив взор. Наконец Ян Тао хмуро спросил:

— Что еще он успел тебе наговорить?

— Он ворвался без предупреждения, — тихо ответил Лин Шу. — Сказал, что никогда прежде меня не видел и ему стало любопытно взглянуть. Все остальное — обычный бред умалишенного.

Ян Тао шумно выдохнул сквозь зубы:

— Этот недуг тянется за ним с самого детства. Время от времени его бьют припадки, после которых он окончательно теряет рассудок и творит бесчинства. В своих владениях он набрал целый гарем наложниц и фаворитов, но затем они ему наскучили, и он выставил всех до единого за ворота. Так и живет бобылем. Накажи своим гвардейцам ни под каким видом не пускать его на порог. Да и сам держись строже, негоже тебе якшаться с безумцами.

Император внезапно шагнул ближе и в упор уставился на Лин Шу:

— За годы службы в Верховном суде ты повидал немало разбойников и заговорщиков. И среди них наверняка попадались те, кто искусно разыгрывал помешательство. Скажи мне честно: Лян-ван действительно безумен или же он ведет тонкую игру?

— Трудно судить по одной встрече, — уклончиво ответил Лин Шу. — Я не могу утверждать наверняка.

— А вот я убежден, что это притворство! — отрезал Ян Тао. — Он напевает эту зловещую столичную балладу изо дня в день. Это не просто безумие, он умышленно сеет смуту в умах!

<http://bllate.org/book/19546/1998846>